

Ю. В. Откупщиков

Догреческий субстрат

**У истоков европейской
цивилизации**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
О-83

- Откупщиков Ю.В.**
О-83 Догреческий субстрат: У истоков европейской цивилизации / Ю. В. Откупщиков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 266 с.

ISBN 978-5-458-27006-9

В книге излагается гипотеза, согласно которой корни крито-микенской и греческой культур следует искать не на Древнем Востоке, а в северо-восточной части Балканского полуострова (современная Болгария и Румыния). К этому выводу автор приходит на основе анализа мифологических имен и географических названий, а также свидетельств античных авторов и данных археологии.

ISBN 978-5-458-27006-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

как XII в. до н. э. (Hampf 1960, 59—60; Grumach 1969, 430). Разница составляет около 2 тысяч (!) лет. Наряду с обычным представлением о прибытии греков с севера (варианты: северо-запад или северо-восток Балканского полуострова), предполагалось также их прибытие из Малой Азии (Hencken 1955, 40; Mellaart 1958, 18 sq.; Pisani 1958, 41; Macqueen 1968, 185; Широков 1969; Hood 1978, 22). Еще в 30-е годы было высказано предположение о том, что греки вообще ниоткуда не приходили, что они — автохтоны (Valmin 1938, 404). Близкую (хотя отнюдь не идентичную) точку зрения в ряде своих работ высказал Дж. Чэдвик: в Грецию пришли индоевропейские предки греков, а греческий язык сформировался уже в самой Элладе (Chadwick 1969a, 11; 1976a, 189; 1976b, 116; 1976c, 2; 1976d, 108⁴); ср. также (Starr 1961, 119—120; Katičić 1976, I, 35). В свое время известный ученый Дж. Л. Майрс написал книгу «Кто такие были греки?» (Myres 1930), но на шести страницах с лишним страницах он так и не ответил на вопрос, поставленный в заглавии. Определение характера догреческого субстрата, нужно надеяться, поможет ответить и на этот и на многие другие вопросы, связанные с проблемой этногенеза и глоттогенеза греков.

Греческая религия и мифология. Характер и происхождение древнейших греческих культов и многочисленных греческих мифов могут значительно проясниться в случае углубленной разработки вопросов, связанных с догреческим субстратом. Особенно перспективными в этом плане представляются успешные исследования в области догреческой ономастики: надежное установление ее языковой и этнической принадлежности, безусловно, должно пролить свет на многие вопросы, связанные с происхождением отдельных греческих культов, а также на наличие или отсутствие связей между отдельными мифами и историческими фактами.

Место греческого среди других индоевропейских языков. Наряду с целыми группами близкородственных индоевропейских языков (германские, кельтские, итальянские, славянские, балтийские, анатолийские) греческий язык в традиционных классификациях обычно стоит изолированно (Мейе 1938, 93—96; Семереньи 1980, 25). Не исключена возможность (поскольку близость греческого языка и языка (или языков) догреческого субстрата вполне допустима), что греческий язык обретет свое место среди группы близкородственных индоевропейских языков. Но этот вопрос также остается открытым до того времени, когда будут получены более точные результаты в определении характера и языковой принадлежности догреческого субстрата.

⁴ В последних двух работах автор ссылается на разные даты (1956 и 1963 гг.) первой публикации этой своей гипотезы. Если верна вторая дата, то еще до Дж. Чэдвика эту идею выдвинул Ч. Старр.

Отношение греческого языка к «малым» языкам Балкан и Малой Азии. Прежде всего языки фракийский, иллирийский, македонский, фригийский, лидийский, карийский, ликийский и другие являются «малыми» не по количеству их носителей и не по их значимости, а по малому объему письменных памятников, которыми мы располагаем. Значение этих языков в развитии языковой ситуации на Балканах, в Эгеиде (включая Грецию) и в Малой Азии чрезвычайно велико. В последние десятилетия ученые все чаще вынуждены отказываться от господствовавшей долгие годы «эллиноцентрической» точки зрения в оценке взаимоотношений между греками и «варварами», между греческим языком и «малыми» языками Балкан, Эгеиды и Малой Азии. И в этом вопросе проблема догреческого субстрата имеет, несомненно, первостепенное значение.

Догреческий субстрат и диалектное членение греческого языка. Влияние догреческого субстрата на греческий язык проявилось не только в области лексики, но также в фонетике и словообразовании. Характерно, что даже в современных греческих говорах, ареально совпадающих с территорией, некогда заселенной карийцами (южные Спорады), до сих пор проявляется такая исключительно карийская особенность (Heubeck 1959, 19), как звук, передававшийся древними греками посредством $\lambda\delta$; ср. кар. ЛИ $\text{Μαυσσωλδος} = \text{Μαυσσωλος}$ и н.-греч. диал. $\acute{\alpha}\lambda\delta\omicron\varsigma = \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\varsigma$ (Brandenstein 1935, 141). Суффикс догреческого происхождения $-\epsilon\upsilon\varsigma$ ⁵ получил в греческом языке распространение, хотя он был чужд всем диалектам, кроме крито-микенского. И если в ономастике Гомера он встречается только у догреческих имен типа Ἀχιλλεύς или Ὀδυσσεύς , то в более позднюю эпоху его можно найти и у чисто греческих имен типа Πολύδωρεύς . К сожалению, в вопросе о возможном влиянии догреческого субстрата на формирование отдельных особенностей диалектов греческого языка многое остается неясным из-за слабой изученности догреческого субстрата.

Этимологизирование догреческой ономастики. Это, пожалуй, область, в которой до сих пор господствует полнейший хаос, обусловленный субъективизмом и произвольностью многих этимологических толкований. Вопрос о языковой и этнической принадлежности догреческого субстрата до сих пор остается спорным. Одни исследователи связывают его с неиндоевропейским восточносредиземноморским слоем лексики (А. Мейе), считая этот слой, например, картвельским (Э. Фюрне). Другие связывали или связывают догреческий субстрат с иллирийским (Г. Краэ), пеласгским (В. Георгиев, А. Ван Виндекенс), фракопеласгским (А. Карнуа), хеттским (А. Хойбек), лувийским (Л. Палмер) языками. Естественно, что при таком разнообра-

⁵ См. (Chantraine 1933, 125; Schwyzer 1939, 61; Schachermeyer 1954, 1519; Risch 1957, 65; Ruijgh 1967a, 193).

зии точек зрения предлагаемые этимологии резко расходятся между собой. Очевидно также, что в случае правильности какой-то одной этимологии в большинстве своем все остальные окажутся ошибочными. Причем, во многих случаях у нас нет никакой уверенности в том, что хотя бы одна из предложенных этимологий того или иного слова была верной. Таким образом, и здесь установление языковой принадлежности догреческого субстрата, хотя и не гарантирует правильности той или иной этимологии, может, по крайней мере, дать уверенность в правильности того направления, в котором ведется этимологический поиск. И избавит нас от необходимости придумывать для исконно фригийского слова семитскую или для исконно фракийского — хетто-лувийскую этимологию.

Изучение особенностей языка крито-микенской письменности. В табличках линейного письма Б, как известно, содержится большое количество догреческих топонимов и антропонимов. Язык этого письма испытал на себе сильное влияние догреческого субстрата. Этот факт вынужден признать даже Дж. Чэдвик, отнюдь не склонный отказываться от чисто греческого характера языка линейного письма Б.⁶ Не только в области лексики (как ономастической, так и апеллятивной), но и в фонетике, и в словообразовании язык линейного письма Б разделяет целый ряд важных черт, чуждых греческому языку, с языком (языками) догреческого субстрата (Откупщиков 1983). Продолжающиеся до наших дней споры о том, является ли язык линейного письма Б «чисто греческим», «смешанным» или еще каким-нибудь, не могут быть разрешены до тех пор, пока не будет выяснен вопрос о характере догреческого субстрата.

Дешифровка линейного письма А, кипро-минойского языка и других недешифрованных языков Балкан, Эгеиды и Малой Азии. Общеизвестно, что носители языка линейного письма Б заимствовали это письмо у догреческого населения, которому принадлежат письменные памятники линейного письма А. Очевидно, что для дешифровки последнего нужно знать, какой именно язык скрывается в табличках линейного А. Предпринимавшиеся до сих пор попытки, ориентированные на греческий, семитский, хетто-лувийский, хурритский, пока не дали положительных результатов. То же следует сказать о дешифровке кипро-минойских, этеокритских, карийских и ряда других дошедших до нас надписей. Ясно, что вопрос о языковой принадлежности догреческого субстрата является важнейшим в деле успешного проникновения в тайны недешифрованных языков.

Происхождение и история слоговой и алфавитной письменности на Балканах и на западе Малой Азии. До сих пор оста-

⁶ По его словам, греческий язык этой эпохи воспринял большое количество заимствований, быть может даже некоторые морфологические и синтаксические черты (Chadwick 1970, 99).

ется много неясного не только в вопросе о происхождении крито-микенского и кипро-минойского слогового письма, но и в вопросе о происхождении алфавитной письменности. Согласно традиционной схеме греки заимствовали свой алфавит у финикийцев, использовали ряд его знаков для обозначения гласных, добавили знаки Ф, Х, Ψ, Ω, передали алфавит фригийцам, карийцам, лидийцам и ликийцам. В настоящее время ни одно из положений этой схемы не может быть принято безоговорочно. Здесь также значительную роль в решении целого ряда вопросов должны сыграть факты, связанные с догреческим субстратом.

Приведенный перечень проблем и вопросов, относящихся к объекту настоящего исследования, разумеется, далеко не полон. Но и он дает достаточное представление о значении проблемы догреческого субстрата для решения целого ряда лингвистических, культурно-исторических и иных вопросов, связанных с древнейшими этапами развития древних Балкан, Эгеиды и Малой Азии.

Глава I

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ГИПОТЕЗ ДОГРЕЧЕСКОГО СУБСТРАТА

Уже давно было обращено внимание на то обстоятельство, что наиболее типичные для догреческого субстрата топонимы с суффиксами -vθ- и -σσ- (типа Ὀλυνθος и Παρνασσός) не могут быть связаны с теми или иными словообразовательными моделями греческого языка и в значительной своей части не имеют греческой и даже индоевропейской этимологии. Это послужило основанием считать, что язык догреческого субстрата был языком неиндоевропейским.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ГИПОТЕЗА

Сто лет тому назад Г. Мейер попытался доказать индоевропейский характер догреческой суффиксации. Так, суффиксы -ηνος и -ανος он сопоставил с лат. -ānus, -mos, -ros и -los со слав. -тъ, -гъ и -лѣ и т. д. Но он был вынужден признать, что для наиболее распространенных догреческих образований на -σσος нет никаких индоевропейских соответствий (Meyer 1886, 178). К. Паоли, детально рассмотрев ареал догреческих -σσ-топонимов, пришел к выводу о неиндоевропейском характере языка, в котором были образованы эти топонимы (Paoli 1885, 44—58). О принадлежности -σσ-суффикса к доиндоевропейскому слою писали в той или иной связи многие исследователи.¹ Положение о наличии в греческом языке следов неиндоевропейского средиземноморского субстрата получило широкое распространение среди лингвистов и историков. Последним фундаментальным исследованием с позиций этого направления является книга Э. Фюрне (Furnée 1972), в которой собран богатейший материал отклонений догреческой лексики от обычных норм как

¹ См., например (Kretschmer 1933, 96; 1940, 252 (со ссылкой на Kretschmer 1896 и 1933); Krahe 1939, 194; Гамкрелидзе 1956, 6; Чихарж 1960, 114; Hubschmid 1960, 298—299; Grumach 1962, 82—83; Eire 1967, 135).

греческой, так и индоевропейской фонетики. Далеко не всегда этот материал критически отобран, многие примеры автора более чем сомнительны. Так, Βίχχος он сопоставляет с μάχλος 'похотливый' (о женщине), Ἄναλος — с Ἄναλρος (реки в Акарнании и Фессалии), στρόχων (название растения) с δорόχων (Furnée 1972, 209, 211, 230, 135). При сопоставлении двух форм названия города в Лукании — Μέταρον и Μεταλόντιον Э. Фюрне видит в них чередование звонкого β и глухого π (с. 156, 230), хотя в первом случае перед нами — суффиксальное образование, а во втором — словосложение. С таким же успехом «чередование» б/п можно было бы усмотреть, например, в русских словах зло-б-а и зло-памятный. Немало ошибок Э. Фюрне было отмечено в рецензии В. Георгиева (Georgiev 1973a), написанной, правда, очень пристрастно, а также в других рецензиях (о кавказском материале см. (Kuipers 1975) — с большим количеством критических замечаний).

Уже давно было отмечено, что догреческая апеллативная и ономастическая лексика содержит явные следы доиндоевропейской префиксации. Наиболее убедительными представляются примеры с префиксами ἄ-, i-, σ-. Так, греч. ἄσταχος = σταχὺς 'колос', Ἀθυμβρα (город Карики) сопоставим с Θύμβρος (река в Карики), Ἀτῦμιος (МИ) — с Τύμιος (город Карики) и т. п.² Необходимо только подчеркнуть, что не во всех случаях догреческое ἄ- — префиксальное. В положении перед στ, например, оно вполне могло быть протетическим. Так, впрочем, во всех случаях его и трактует Э. Фюрне, что, по-видимому, также является крайностью.

Еще более интересными представляются префиксальные i- и σ-. Примеры типа Καρία — Ἰκαρία, Σμῆνος (река в Лаконике) — Ἰσμηνός (река в Беотии), Σαυρία (город в Акарнании) — Ἰσαυρία (область в Писидии), а также Ὀλυμος (город в Карики) — Σόλυμος (МИ), Ἰδυμος (город в Карики) — Σίδυμος (МИ — Ликия)³ позволяют сопоставить их префиксы с хаттскими префиксами для обозначения множественного числа š-/s и i-; ср., напр.: malhi(p) 'хороший' — i-malhi(p) 'хорошие' (Дунаевская 1954, 76—77). Вместе с тем и здесь нужно отметить, что 'i-mobile' может оказаться не только доиндоевропейским префиксом, но и протетическим гласным: Ἰστέφανος вместо Στέφανος, Ἰσχῦμος вместо Σχῦμος (Zgusta 1964, 205).

Попытки выделить в догреческой ономастике следы также других «префиксов» едва ли можно признать удачными. Так, сопоставление фриг. Ἀννακος и Νᾶννακος (Fick 1909, 16), сопро-

² Другие примеры см. (Kretschmer 1933, 86—90; Schachermeyr 1954, 1520; Furnée 1972, 368—373). Без достаточных оснований допускают индоевропейское происхождение этой префиксации В. Георгиев и Л. А. Гиндин (Georgiev 1941, 115; Гиндин 1967, 86).

³ Ср. (Laumonier 1958, 654 (последних два примера)).

воздаемое двумя совсем сомнительными примерами, едва ли достаточно для выделения «префикса» *v-* (ср., напр.: лат. *ānus* и *pānus*, явно не имеющие между собой ничего общего). Изолированные сопоставления *Sedasa* (Исаврия) — *Pedasa* (Кария) или *Pīnaga* (Ликия) — *Kīnagos* (остров)⁴ не могут служить доказательством наличия префиксов *si-*, *pī-*, *kī-*, ибо они ничем принципиально не отличаются от сопоставлений типа *Минск* — *Пинск*, *Казань* — *Рязань* или (в апеллятивной лексике) *медаль* — *педадь*, *лечение* — *печенье*. То же, видимо, следует сказать и о сопоставлении *Παρνασσός/Λαρνασσός* (Kronasser 1960, 51 f.), подкрепляемом ссылкой на *Λέρνη* (Эгина) — *Πέρνη* (Фракия). Довольно однообразный тип основ у догреческих образований с суффиксом *-σσ-* путем подобного рода сопоставлений позволяет выделить в качестве «префиксальных» чуть ли не все согласные; ср., напр.: *Παρμισσός* — *Μαρμησσός*, *Κυμνισσός* — *Τυμνισσός*, *Καρδησσός* — *Σαρδησσός*, *Κάρισσα* — *Λάρισσα*, *Θησσός* — *Μύησσος* и др. Кстати, для пары *Λαρνα/ησσός* — *Παρνα/ησσός* можно добавить к двум «префиксам» еще и третий: (*Ἀλι*)*καρνασσός*, *Καρνησσός* (πολις). То, что *Λαρνασσός*, согласно Стефану Византийскому, — это старое название Парнаса, в общем, не меняет дела. Тем более, что оба топонима, как мы увидим ниже, имеют разное происхождение.

Все же наличие неиндоевропейских элементов в догреческой фонетике и словообразовании можно считать доказанным. И тезис В. Георгиева о том, что в Греции вообще никогда не было неиндоевропейского населения, кажется весьма странным, а его стремление всей догреческой ономастике дать индоевропейские этимологии выглядит крайне неубедительным.⁵

Значит ли это, однако, что догреческий субстрат, известный из многочисленных топонимов, этнонимов, антропонимов, теонимов и из апеллятивной лексики, был неиндоевропейским? Отнюдь нет. Русские топонимы *Федотово*, *Ольгино*, *Тургеневка* содержат в себе греческую, германскую и тюрко-монгольскую основы. В этих основах мы находим чуждые славянским языкам (начальное *φ-*) или типичные для неславянских языков (гармония гласных) фонетические особенности. Но все три топонима входят в русскую (славянскую) топонимическую систему. *Mutatis mutandis* мы можем признать наличие неиндоевропейских признаков в догреческом субстрате, но это еще не служит доказательством неиндоевропейского характера догреческой ономастической системы. Вот почему, когда Э. Фюрне приводит для греческих фонетических аналогий из самых различных неиндоевропейских языков — от Атлантического океана до Азии, — с ним во многих случаях можно согласиться. Когда же он попытался поставить вопрос на конкретную почву, огра-

⁴ (Dressler 1964, 112).

⁵ Подробнее об этом см. (Откупщиков 1982, 27—28).

ничив свои сопоставления картвельским материалом (Furgée 1979), очень многие примеры его первой книги утратили свое значение (ибо соответствующих явлений нет в картвельском). Это сказалось и на сравнительном объеме двух книг (461 и 65 страниц), и на убедительности аргументации. И это — несмотря на то, что после критики А. Кейперса кавказский материал был пересмотрен автором в сторону сильного сокращения: 11 грузинских и 2 сванских примера — против 37 грузинских и 7 сванских в первой книге (Bielmeier 1983, 371). Резкой критике вторую книгу Э. Фюрне подверг К. Шмидт (Schmidt 1979, 93—98).

Гораздо более осторожную позицию в этом вопросе занимает Р. В. Гордезиани. Он пишет не о кавказском субстрате в Эгее, а о кавказско-эгейских контактах (Гордезиани 1983; Gogdesiani 1983); ср., однако (Гордезиани 1985).

В настоящее время многие исследователи признают, что греки не были первыми индоевропейцами, пришедшими в Элладу. Их индоевропейские предшественники встретили здесь неиндоевропейское население, у которого они заимствовали большое количество слов (в частности, очень много названий растений; ср. (Meillet 1920. 1 sq.)). Эту лексику они индоевропеизировали, в результате чего в лексике пришельцев (как апеллятивной, так и ономастической) оказались не только исконно индоевропейские, но и индоевропеизированные неиндоевропейские слова. Таким образом можно объяснить, почему однотипная по своему характеру лексика в одних случаях этимологизируется на индоевропейской и даже на греческой основе, а в других — нет. Так, $\mu\acute{\iota}\chi\theta\omicron\varsigma$ 'маленький' не только легко этимологизируется как индоевропейское слово, но иногда даже признается греческим (Zgusta 1964, 315), хотя оно явно догреческое по своей словообразовательной модели. В то же время однотипное $\lambda\acute{\iota}\mu\theta\omicron\varsigma$ единодушно причисляют к догреческому слою лексики. Догреческий топоним $M\acute{\upsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ также имеет индоевропейскую этимологию, а В. Георгиев его даже считает греческим и относит к греч. $\mu\acute{\upsilon}\lambda\eta$ 'мельница' (Georgiev 1981, 184). Однако словообразовательная модель этого топонима — явно догреческая, да и сама структура корня (вокализм υ рефлекса $\upsilon\lambda$) заставляет некоторых исследователей рассматривать даже греч. $\mu\acute{\upsilon}\lambda\eta$ как догреческое слово (см., напр. (Напр 1983, 12)). Несмотря на это, у топонима $M\acute{\upsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ — достаточно надежная индоевропейская этимология.⁶ В то же время $\Lambda\acute{\omicron}\rho\iota\sigma\sigma\alpha$ и целый ряд других догреческих - $\sigma\sigma$ -топонимов на индоевропейской почве не имеют удовлетворительной этимологии. Многочисленные противоречия подобного рода будут устранены, если мы примем гипотезу об индоевропейском догреческом субстрате, усвоившем у местного

⁶ Об этимологии догреч. $M\acute{\upsilon}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ см. (Откупщиков 1973, 23), а также ниже.

населения значительное количество неиндоевропейских слов в результате переселения на территорию Эллады.

СЕМИТСКАЯ ГИПОТЕЗА

Гипотезы, связанные с семитским влиянием на древнегреческий язык, не получили широкого распространения. Правда, еще в XIX в. Ф. Моверс пытался все и вся в греческом объяснять из семитского (Movers 1841). Эту тенденцию А. Фик образно охарактеризовал хлестким словом *Phoenikomanie* (Fick 1909, 4). Не отрицая того очевидного факта, что в греческом языке действительно есть определенное количество семитских заимствований, нужно сказать, что логика рассуждений и методика исследования сторонников семитской гипотезы зачастую оказываются весьма примитивными. Так, в одной из старых работ говорится: поскольку *Britannia* и *Hibernia* — не греческие названия, они должны быть (!) финикийскими или карфагенскими (Lewel 1831, 17). В другой работе утверждается, что догреческий топоним *Μαράθιν* (ср. *μάραθιν* 'укроп') образован от финик. *marath* 'господин' (Lewy 1895, 144).

В последние 30 лет ту же линию, но уже с учетом дешифровки М. Вентриса продолжают С. Гордон и его ученик М. Эстер. В целой серии своих статей 1957—1967 гг. и в небольшой книжке, вышедшей в 1966 г. (Gordon 1966), С. Гордон пытается доказать, что язык линейного письма А — семитский. Гипотеза эта получила резко отрицательную оценку в рецензиях.⁷

М. Эстер пошел еще дальше своего учителя. Давая всем чисто греческим, догреческим индоевропейского происхождения и просто неясным именам семитские «этимологии», он заключает свою книгу словами: «Эллинизм явился эпилогом восточных цивилизаций, а семитизм был прологом цивилизации греческой» (Astour 1965, 361). В своей уничтожающей рецензии на эту книгу Дж. Бордмен не находит нужным разбирать «этимологии» автора, он только иронически иллюстрирует их.

ХЕТТО-ЛУВИЙСКАЯ ГИПОТЕЗА

Еще задолго до дешифровки Б. Грозного А. Фик высказал предположение о том, что в результате вторжения из района Ликии на Крит (Fick 1905, 126) в Греции появились носители хеттского языка. Хеттов затем сменили иллирийско-фракийские племена, после чего в Элладу пришли греки (Fick 1909, 7). Идею о лувийском субстрате в Эгеиде развивал в своих работах также Э. Форрер. Он считал, что *-vd-* и *-σσ-* топонимы — лу-

⁷ См., напр. (Pope 1967, 159 sqq.; Bennett 1968, 110 sqq.; Ruijgh 1968, 195 sqq.). Комическое впечатление в связи с этим оставляет спор С. Гордона с Я. Бестом о приоритете «открытия» семитского характера линейного письма А (Gordon 1984); ср. (Best 1982).

вийские, что лувийцы занимали обширную территорию от Адриатики до Персии (Forrer 1921, 23—24), что около 4000 г. они были уже в Эгее и в Малой Азии (Forrer 1930, 241). П. Кречмер, который неоднократно менял свою позицию в вопросе о языковой принадлежности догреческого субстрата (неиндоевропейский, протоиндоевропейский,⁸ лувийский), присоединился к Э. Форреру, сначала — в очень осторожной форме (см. Georgiev 1941, 37)), а затем — весьма решительно. Анатолийское влияние, по мнению П. Кречмера, не было ограничено культурными или торговыми связями, это было «настоящее малоазиатское вторжение» (Kretschmer 1940, 253). Об анатолийской принадлежности догреческой топонимики писали и другие исследователи. Так, К. Бак считал, что в Элладе жило сначала население, родственное населению Придунайской области (до 2500 г.). Затем его сменило «эгейское» население, родственное анатолийцам (2500—1600 гг.), которое и оставило свои следы в топонимике. Наконец, их сменили греки (Buck 1926, 26). В переводе на современную терминологию это дает такую стратификацию: 1) до 2500 г. — язык фракийского типа, 2) 2500—1600 гг. — язык хетто-лувийского типа, 3) с 1600 г. — греческий язык.

В конце 1950-х годов к хетто-лувийской гипотезе почти одновременно вернулись Л. Палмер и А. Хойбек. Формально разница в их позиции сводится лишь к тому, что Л. Палмер догреческий индоевропейский слой, находящийся между неиндоевропейским субстратом и греческим языком, связывает с лувийским, а А. Хойбек — с хеттским языком. Работа Л. Палмера (Palmer 1958) была опубликована на три года раньше (Heubeck 1961), но А. Хойбек специально подчеркивает независимость своей гипотезы (Ibid., 5).

Л. Палмер считает, что около 1900 г. до н. э. лувийцы вторглись в материковую Грецию, а около 1700 г. до н. э. — на Крит (Palmer 1958, 93; 1961, 26). Позднее он анатолийское вторжение в Грецию стал относить ко времени незадолго до 2000 г. (Palmer 1969, 26). Основные аргументы Л. Палмера сводятся к следующему. В недешифрованных текстах линейного письма А, читаемых по правилам М. Вентриса, он нашел слово a-sa-sa-ra-(-me) и сопоставил его с именами хеттской богини Išhaššara- (Palmer 1958, 80—84; 1961, 237). Опираясь на этимологию Э. Форрера (Πᾶρνασσός — к хетто-лув. рагна- 'дом' (Forrer 1930, 242)), Л. Палмер подкрепил ее ссылкой на анатолийский топоним Parnašša⁹ и сделал вывод, что до прихода греков на Парнасе находилось лувийское святилище, ибо рагна 'дом' следует понимать в значении 'храм' (Palmer 1958, 90).

⁸ Относительно "Protoindogermanisch" П. Кречмера см. (Katičić 1976, 1, 57—62).

⁹ Сопоставление это принадлежит Э. Ларошу (Laroche 1957, 2, 5).